

А.Н. Мещеряков

Личность Фукудзава Юкити: быть самим собой

Аннотация. Фукудзава Юкити (1835—1901) считается «великим просветителем». Имеется в виду, что после открытия Японии в середине XIX века он сделал очень много в деле знакомства японцев с западной культурой и цивилизацией. Анализ достижений Фукудзава на ниве просветительства посвящено множество исследований. В то же время личность самого Фукудзава не привлекала сколько-то пристального внимания, что кажется нам большим упущением. Революция Мэйдзи была не только эпохой великих реформ, но и временем формирования нового типа японца, который порывал с прошлым и устремлялся к другим горизонтам. В этом отношении личность Фукудзава представляет огромный интерес, ибо именно он подавал пример того, каким надлежит быть «новому» японцу.

Личность Фукудзава плохо отражена в мемуарной литературе. Люди, которые знали его в детстве и молодости, мемуаров не оставили. Мемуарный жанр не был тогда распространен в Японии. Что до второй половины жизни Фукудзава, когда он уже вышел на публичную арену, то его близкое окружение составляли его ученики и люди, которые были намного младше его. Жанр мемуаров постепенно укоренялся в Японии, и ученики Фукудзава оставили нам некоторые сведения, полезные для понимания его личности. Следует отметить, что воспоминания учеников о своем учителе имеют по преимуществу хвалебный характер, что не способствует адекватному пониманию его характера. Однако он «позаботился» сам о себе — на склоне лет, в 1898 г., он опубликовал свою автобиографию под названием «Фукуо дзидэн» — «Автобиография старца Фукудзава». Она дает яркое представление не только о духовной атмосфере позднетокугавской и мэйдзийской Японии, но и рисует тот человеческий тип, который являлся ниспровергателем прежних основ и созидателем нового. Именно автобиография Фукудзава послужила основным источником для написания данной работы.

Ключевые слова: Япония, Фукудзава Юкити, автобиография, «Фукуо дзидэн», личность.

Автор: Мещеряков Александр Николаевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института классического Востока и античности Высшей школы экономики (Москва, 101000, Мясницкая, д. 20).
ORCID: 0000-0001-6004-5743.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Мещеряков А.Н. Личность Фукудзава Юкити: быть самим собой // Японские исследования. 2025. № 2. С. 69—84.
DOI: 10.55105/2500-2872-2025-2-69-84.

Благодарности. Работа выполнена в рамках проекта фундаментальных исследований «От древности до модерности: эпистемология и концептуализация развития материальных и духовных культур Востока» НИУ ВШЭ.

A.N. Meshcheryakov

Fukuzawa Yukichi's personality: Being yourself

Abstract. Fukuzawa Yukichi (1835—1901) is considered a “great enlightener.” This means that, after the opening of Japan in the mid-19th century, he did a lot to introduce Western culture and civilization to the Japanese. Many studies have been devoted to analyzing Fukuzawa's achievements in the field of enlightenment. At the same time, Fukuzawa's personality has not attracted much attention, which seems a great omission to us. The Meiji Revolution was not only an era of great reforms, but also a time of formation of a new type of Japanese, who broke with the past and aspired to other horizons. In this regard, Fukuzawa's personality is of great interest, because it was he who set an example of what a “new” Japanese should be.

Fukuzawa's personality is poorly reflected in memoir literature. People who knew Fukuzawa in childhood and youth did not leave memoirs. The memoir genre was not widespread in Japan at that time. As for the second half of Fukuzawa's life, when he had already entered the public arena, his close circle consisted of his students and people who were much younger than him. The genre of memoirs gradually took root in Japan, and Fukuzawa's students left us some information useful for understanding his personality. But the students' recollections of their teacher are mostly laudatory, which does not contribute to an adequate understanding of Fukuzawa's character. However, he “took care” of himself — in his declining years, in 1898, he published his autobiography under the title *Fukuo Jiden*, or *Autobiography of the Elder Fukuzawa*. It gives a vivid idea not only of the spiritual atmosphere of Tokugawa and Meiji Japan but also depicts the human type who was the overthrower of old foundations and the creator of new ones. It was Fukuzawa's autobiography that served as the main source for writing this work.

Keywords: Japan, Fukuzawa Yukichi, autobiography, personality, *Fukuo Jiden*.

Author: *Meshcheryakov Alexander N.*, Dr. of Letters (History), Chief Researcher, Institute of Classical Oriental and Antiquity, Higher School of Economics (Moscow, 101000, Myasnitskaya, 20). ORCID: 0000-0001-6004-5743.

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Meshcheryakov, A.N. (2025). Lichnost' Fukudzava Yukiti: byt' samim soboi [Fukuzawa Yukichi's personality: Being yourself]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2025, 2, 69—84. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2025-2-69-84.

Acknowledgements. This research was carried out within the framework of the HSE University research project “From Antiquity to Modernity: epistemology and conceptualization of the development of material and spiritual cultures”.

Введение

Фукудзава Юкити (1835—1901) считается ныне «великим просветителем». Имеется в виду, что после открытия Японии в середине XIX в. он сделал очень много в деле знакомства японцев с западной культурой и цивилизацией. Для этого он использовал три основных инструмента: образовательные книги (авторские и переведенные), а также основанные им школы (впоследствии университет) Кэйо Гидзюку и газету «Дзидзи симпо». Анализу достижений Фукудзава на

ниве просветительства посвящено множество исследований. В то же время личность самого Фукудзава не привлекала сколько-то пристального внимания, что кажется нам большим упущением. Революция Мэйдзи была не только эпохой великих социальных реформ, но и временем формирования нового типа японца, который порывал с прошлым и устремлялся к другим горизонтам. В этом отношении личность Фукудзава представляет огромный интерес, ибо именно он подавал пример того, каким надлежит быть «новому» японцу.

Фукудзава родился еще при сёгунате Токугава в бедной самурайской семье в захолустном княжестве Накацу на острове Кюсю. Его социализация происходила в рамках привычных представлений об обществе и человеке. На классических китайских текстах он учился (и учился успешно) конфуцианским добродетелям: верности сюзерену и родителям, повиновению и смирению. Его приучали к неизменности социальной стратификации, где каждый человек занимает раз и навсегда место, доставшееся ему по наследству. Однако уже в юношестве Фукудзава стал учить голландский язык, через который он узнавал, что японская картина мира не является единственно возможной. Западный мир с его упором на индивидуализм и прогресс настолько пленил Фукудзава, что он сделался одним из самых активных пропагандистов Запада.

«Фукуо дзидэн»

Как это ни странно, личность Фукудзава плохо отражена в мемуарной литературе. Люди, которые знали его в детстве и молодости, мемуаров не оставили. Мемуарный жанр не был тогда распространен в Японии. Что до второй половины жизни, когда Фукудзава уже вышел на публичную арену, то его близкое окружение составляли ученики и люди, которые были намного младше его. Жанр мемуаров постепенно укоренялся в Японии, и ученики Фукудзава оставили нам некоторые сведения, полезные для понимания его личности, но эти воспоминания имеют столь естественный налет панегиричности, что не способствует адекватному пониманию характера Фукудзава. Однако он «позаботился» сам о себе — на склоне лет, в 1898 г., он опубликовал свою автобиографию под названием «Фукуо дзидэн» — «Автобиография старца Фукудзава». Она дает яркое представление не только о духовной атмосфере позднетокугавской и мэйдзийской Японии, но и рисует тот человеческий тип, который являлся ниспровергателем прежних основ и созидателем нового. Именно автобиография Фукудзава послужила основным источником для написания данной работы.

«Фукуо дзидэн» является первым японским образчиком автобиографического жанра в современном понимании этого термина. Традиционная Япония практически не знала жанра полноценной личной автобиографии, рассчитанной на широкую аудиторию. Там существовала имеющая давнее происхождение «коллективная автобиография» (история) того или иного социального института: государства, рода, княжества, семьи, профессионального или религиозного объединения. Понимание человека как подчиненной части целого, а не как автономной единицы, препятствовала развитию жанра автобиографии.

Фукудзава был человеком, который во многих отношениях был «первым». Его «Автобиография» не является исключением. Она смоделирована по западным (прежде всего, американским) образцам и представляет собой историю жизненного успеха (success story). Такой дискурс был совершенно чужд традиционным представлениям, согласно которым «бахвальство» являлось нарушением установки на скромность. Ты должен был прожить свою жизнь так, чтобы удостоиться похвалы «со стороны», превознесение же собственных достоинств и успехов отвергалось культурой.

Разрушитель традиции

Для того, чтобы быть первым в созидании, надо быть первым и в разрушении — иметь смелость (или наглость) отказываться от старого и уничтожать его. Фукудзава был именно таким человеком. Временами такая смелость отдавала вызовом, нахальством и даже святотатством. Здесь сказалась и натура самого Фукудзава, и годы, проведенные во время учения в медицинской школе Огата в Осаке — городе портовом и торговом, где строгие правила этикетности, принятые в самурайской среде, размывались вольным и разудалым духом торгашества.

По типу мышления и свойствам личности Фукудзава был ниспровергателем основ. В «Автобиографии» он с удовольствием повествует, как еще в детстве и отрочестве он нарушал нормы того общества, в котором ему довелось родиться. Поскольку эти нормы казались ему абсурдными, Фукудзава с легкой душой нарушал общепринятые каноны поведения.

Люди «старой закалки» казались ему никчемными: упертые и ригористичные, они не были способны усвоить «передовые» (западные) теории и знания. Они были ненавистны юноше, и когда в родительском доме собирались гости, он немедленно уходил спать — только чтобы не слышать их «идиотских» разговоров. Фукудзава отвергал и этих людей, и их рабскую мораль. Санносукэ, его старший брат, так определил свое кредо, которое полностью совпадало с тогдашним моральным канонам: до конца жизни быть верным сыном, братом и слугой сюзеру. Чтобы подчеркнуть приверженность своим принципам, Санносукэ даже высказал решимость стать приемным сыном в какой-нибудь другой семье и беззаветно служить не своим биологическим, а приемным родителям. Такое намерение вызвало недоумение у мальчика Юкити: с какой стати он должен угождать людям, которые не являются кровными родственниками? (с. 23)¹. Он и своим родственникам служить не стал: ради получения «прогрессивного» (западного) образования он без долгих раздумий отправился в Эдо и покинул мать, которая в одиночку воспитывала дочь покойного Санносукэ.

С бесподобной для тогдашней Японии легкостью и без всякого зазрения совести Фукудзава нарушал общепринятые нормы, поскольку не считал их носителей достойными людьми, которым и должно принадлежать светлое будущее. Чего стоит один его рассказ об осквернении синтоистских святынь! Он растоп-

¹ Здесь и далее в круглых скобках приводятся отсылки к тексту «Автобиографии» по изданию [Fukuzawa 2021].

тал священную бумагу с именем синтоистского божества и выкинул ее в отхожее место. В другом случае выкинул из божницы священный камень, положив на его место подобранный на улице. Поскольку никакого «божественного» воздаяния не последовало, он посчитал веру в богов верхом скудоумия (с. 25—27). И пусть эти поступки были совершены в детстве и отрочестве, мысль о том, что они могут задевать или ранить чувства других — «обычных» и «косных» людей — не приходила в седую голову Фукудзава даже в старости.

Не без удовольствия он рассказывает, как в юности подделывал рекомендательные письма, выдавал себя за заклинателя и с готовностью получал плату за вознесенные молитвы, в которые он не верил и которых не знал — вместо них он бормотал какую-то абракадабру. Желая покинуть родное княжество Накацу для изучения голландского языка в Осаке, он написал обращение к главе клана, объясняя отъезд необходимостью изучения военного дела, ибо такая мотивировка повышала его шансы на разрешение покинуть дом. Предпосылок к этому не было: отец Юкити и его старший брат уже умерли, он стал главой семьи, и самурайско-конфуцианский долг велел ему заботиться о матери. Однако «жажда знаний» послужила достаточным оправданием для нарушения моральных норм, и он уехал в Осаку. Когда Фукудзава захотелось обзавестись редкой и дорогостоящей голландской книгой по фортификации, он попросил ее у хозяина на пару дней — чтобы «просто посмотреть» оглавление и иллюстрации — но вернул книгу только через несколько недель, которые употребил на копирование. Наивный хозяин хотел приберечь европейские премудрости для себя, но хитрый Фукудзава провел его: боясь разоблачения, он переписывал книгу по ночам. Хозяин и окружающие так ничего и не заподозрили, чему Фукудзава несказанно обрадовался (с. 60—63). Он считал, что цель оправдывает средства. В данном случае конечной целью тоже выступает получение знаний, которые стоят выше моральных установлений.

Соученики Фукудзава в осакской школе Огата походили на него. Все они были «западниками» и оставались в стране абсолютным меньшинством. Для создания и поддержания своей «особой» идентичности они вели себя подчеркнуто вызывающим образом и гордились этим. Они пили sake до упаду, воровали посуду в едальнях, устраивали на улицах показушные драки, угрожали убийством не понравившемуся торговцу, задирали прохожих, подделывали письма, расхаживали по школе голыми. Ради бесплатного посещения представлений, выдавали себя за театральных инспекторов. Будучи самураями, закладывали мечи у ростовщиков. Одевались ужасно — прохожие шарахались. Они не соблюдали элементарных гигиенических норм и обитали в общежитии в непролазной грязи. Неудивительно, что вши были их лучшими друзьями (с. 75—90).

Невозможно представить себе конфуцианскую школу, где ученики вели бы себя таким вызывающим образом. Но студенты Огата относились к ученикам таких школ с нескрываемым презрением. «Западники» настолько ненавидели конфуцианские обыкновения, что нарушение приличий казалось им делом хорошим. Так же беззастенчиво они относились и к традиционным пищевым запретам — спокойно столовались в тех крайне малочисленных заведениях, где подавали мясо. Кроме них, там угощались только представители сословия отвер-

женных, с которыми «нормальный» японец не желал иметь ничего общего. В тогдашней Японии только эти отверженные и студенты школы Огата занимались разделкой туш. Последние делали это потому, что изучали анатомию и хирургию (традиционная китайско-японская медицина хирургии не знала).

Целью рассказов Фукудзава о своем «хулиганстве» в молодости является стремление показать, что автор с самого начала обладал независимой натурой, не признающей сложившихся норм. В эпизодах, посвященных девиантному поведению, запятан и еще один смысл: вызов обозначившемуся с начала 1880-х гг. курсу правительства на возрождение конфуцианских поведенческих норм и превращение синто в государственную религию. Эпизод с осквернением синтоистских святынь был призван продемонстрировать издевательское отношение к этой религии, которую Фукудзава считал средоточием предрассудков.

Традиция мало что значила для него. Несколько утрируя, можно сказать и так: она существовала только для того, чтобы нарушать ее. Если раньше идеальным типажом считался человек, неукоснительно следующий заветам предков, то теперь настала очередь японцев, для которых традиция потеряла абсолютную ценность. Эти люди верили не в «золотой век», а в «прогресс». При таком подходе «новое» очень часто казалось лучше «старого». Ратуя за вестернизацию страны, Фукудзава не призывал сохранять японское культурное наследие. В своих сочинениях он настойчиво подчеркивал, что целью образования является познание того, каким образом можно удовлетворять свои потребности в пище, жилье и одежде. Что до умения читать древнюю книгу или же сочинять стихи, то эти навыки не имеют практического применения, а потому нет никакой нужды превозносить древних китайцев и японцев.

Фукудзава с легкостью отказывался от принятых обыкновений. Под западным влиянием он сильно изменил свой стиль жизни: сменил прическу, переоделся в европейское платье, приобрелся к западной кухне и т. д. Он отбросил самурайское презрение к деньгам и зарабатывал немало, что считал гарантией своей свободы и независимости, которые он так ценил и которыми так гордился. Фукудзава утверждал, что не обладает предпринимательскими способностями, но на самом деле он, безусловно, обладал прекрасной деловой хваткой, без которой не смог бы добиться успеха в образовательной и издательской деятельности. К выявлению в себе предпринимательской жилки он призывал и всех остальных японцев.

Эмпатия

Несмотря на многие примеры вызывающего поведения Фукудзава, имеется и немало свидетельств его порядочности и эмпатических качеств. Он охотно одалживал деньги и помогал тем, кто в этом нуждался. В последние годы существования сёгуната вызволял заключенных из тюрьмы, давал кров диссидентам. Помнил старых друзей и благодетелей. Фукудзава яростно выступал за демонтаж «феодальной» системы и упразднение княжеств. Эта цель была в результате достигнута. Однако после революции Мэйдзи он посчитал, что его бывшему союзе-

рену князю Окудайра, который был теперь лишен всяких привилегий и полномочий, придется несладко в родном княжестве Накацу и, позабыв прежние обиды, вывез его вместе с семьей в Токио. После этого не забывал являться к нему каждый год в парадной японской одежде с новогодними поздравлениями [Matsunaga 2008, p. 48]. Возможно, здесь сказалось и раскаяние — ведь в молодости, как признавался сам Фукудзава, он беззастенчиво «обдирал» свое княжество и «был таким же алчным, как нынешние корейцы» (с. 318).

Фукудзава поселил престарелую вдову бывшего князя Накацу на территории кампуса Кэйо. Там же построил домик для удалившегося от дел американского доктора Симмонса (Фукудзава пользовался его услугами) и его матери. Для талантливому врачу и бактериологу Китасато Сибасабуро (1852—1931), которого, несмотря на его квалификацию и достижения, нещадно травил группировка медиков из Токийского императорского университета (одним из них был врач и знаменитый писатель Мори Огай, 1862—1922), открыл в 1892 г. первый в Японии научно-исследовательский институт эпидемиологии [Tsuchiya 1996, с. 137—192]. Отношение к Китасато со стороны императорского университета послужило для Фукудзава еще одним доказательством того, что наука должна быть независима от государства, и только академическая свобода является условием для успешного развития науки.

Самокритичность

Несмотря на приводимые Фукудзава примеры своего девиантного поведения, следует признать: временами он умел признавать свои ошибки и сожалел о них. В «Автобиографии» он несколько раз сетует на то, что в прошлом вел себя неподобающим образом и испытывает теперь угрызения совести. Фукудзава повествует о своих недостатках с подкупающей откровенностью. Главным из них он считал пьянство. К борьбе с ним он неоднократно возвращается в «Автобиографии». На такие откровения способен только человек состоявшийся и уверенный в том, что его достоинства с лихвой перекрывают недостатки.

К числу своих недостатков Фукудзава относил и художественную необразованность. Духовная культура и изящное искусство мало интересовали его. Купив «за глаза» прекрасную коллекцию антикварных вещей, он распорядился поместить их в кладовку и никогда не любовался ими (с. 349—350).

О любви японцев к природе написано много — как верного, так и придуманного [Мещеряков 2022]. Художественная необразованность Фукудзава сочеталась в нем с равнодушием к природным красотам. Много путешествуя по стране в молодые годы, он посещал и прославленные японскими поэтами и художниками места, но они оставляли его совершенно равнодушным. Когда молодой Фукудзава направлялся морским путем в Эдо, корабль сделал остановку в Миядзиме — месте, известном своей живописностью. «Обычный» японец не преминул бы восхититься тамошними красотами, но вот как описывает это событие уже пожилой Фукудзава: «Дел у меня там не было. Но раз уж очутился здесь, отправился осматривать остров. Другие путешественники были друг с другом на ко-

роткой ногое, им было хорошо, все угощались sake. Я тоже был не против выпить, но у меня не было денег, поэтому я ограничился осмотром достопримечательностей. Вернулся на корабль, жадно проглотил корабельную стряпню. Капитану такой пассажир пришелся не по вкусу, он состроил рожу и злобно наблюдал за мной. Он мне тоже запомнился. На прошлой стоянке в Ивакуни я тоже без всякого удовольствия осмотрел [знаменитый] мост Кинтай» (с. 43).

Столь популярное среди японцев любование сакурой тоже оставляло Фукудзава равнодушным: «Я даже на цветение сакуры в Уэно поглазеть не ходил! Я приехал в Эдо в 5-м году Ансэй (1858). Выпить любил — это правда. В этом отношении я был рабом своего нутра, и когда выпивки не оказывалось дома, отправлялся куда-нибудь с приятелями. Но это чтобы выпить, а не для того, чтобы на цветы пялиться» (с. 340).

Приобретенная в юности ненависть к «китайщине» была настолько велика, что все чем занимались знатоки китайской культуры, вызывало в нем отторжение. Это касается, в частности, каллиграфии, которой он, по собственному признанию, владел плохо. В зрелые годы Фукудзава сожалел об этом и начал учиться владению кистью. Но в результате не стал, как это было принято, воспроизводить классические образцы, а выработал свой собственный, совершенно уникальный новаторский стиль [Aida 2005, с. 264]. В этом — весь Фукудзава: ему не нравилось следовать нормам, он предпочитал пересматривать их и создавать новые.

Похожим оказался и его подход к театру. В летописях его жизни специально отмечается, что в первый раз он посетил токийский театр Кабуки только в 1887 г., когда ему уже минуло полвека. Здесь сказывалась и занятость, и нежелание «попусту» тратить время, и непривычка к такому увеселению — семья Фукудзава придерживалась строгих самурайских правил, запрещавших посещение театра. В первые годы Мэйдзи Фукудзава посещал сольные выступления рассказчиков, но с сугубо прагматической целью — овладеть навыком общения с многочисленной и не всегда образованной аудиторией, чтобы научиться лучше читать научно-популярные лекции. После 1887 г. Фукудзава бывал на представлениях Кабуки несколько раз, временами даже приглашал актеров к себе домой, но, похоже, больше всего его интересовал не существующий традиционный театр, а то, каким образом следует его реформировать, чтобы приспособить к требованиям современности. Движение по реформированию Кабуки находилось тогда на подъеме, Фукудзава даже было начал писать пьесу, но так и не закончил ее. Он любил строить и продвигал идею воздвижения современного театрального здания в центре столицы, но из-за войны с Китаем (1894—1895) она не была осуществлена. Фукудзава отнесся к той войне с восторгом, и война была для него много важнее искусства.

Показателен следующий эпизод его жизни. Помимо основного жилища, у Фукудзава имелся уединенный домик. Иногда там играли его дети, иногда он работал там сам. При доме имелся небольшой сад. Когда Япония воевала с Китаем, молодой сотрудник Фукудзава решил привести садик в соответствие с канонами садового искусства: он придумывал поэтические названия для деревьев и камней. Таблички с названиями втыкал рядом с соответствующими объектами. В это время явился хозяин и устроил сотруднику настоящий разнос: в нынешней

политической обстановке нужно думать о пушках, а не об изяществе! Разгневавшись, стал выдергивать таблички с такими красивыми названиями [Matsunaga 2008, с. 197].

Слава разрушителя традиции прочно закрепилась за Фукудзава. В рассказе Акутагава Рюноскэ «Сад» приверженец Фукудзава без зазрения совести разрушает традиционный сад, сажая там «полезные» фруктовые деревья [Акутагава 2023, с. 286].

Многие иностранцы восхищались японскими садами, в японских экспозициях на всемирных выставках такие сады тоже устраивались, но Фукудзава намного больше интересовали промышленные, научные и военные успехи его страны. «Мягкая сила» волновала его намного меньше.

Тем не менее, назвать его человеком совсем уж «глухим» к искусству тоже нельзя. Вот рассказ его ученика. Помещение редакции «Дзидзи симпо» находилось рядом с театром, в котором демонстрировали модную историческую пьесу. Дело было летом, окна — нараспашку, так что голоса актеров хорошо слышались в комнате, где работал Фукудзава. В кульминационный момент, когда главный герой грабит и убивает свою жену, Фукудзава расчувствовался и тихо произнес: «Подлец, какой все-таки подлец...». Пьеса шла регулярно, Фукудзава слышал ее не в первый раз, но все-таки был тронут до слез. Но пойти на само представление он, похоже, так и не удосужился. Шутил, что находясь в редакции, он и так имеет возможность слушать пьесу бесплатно [Matsunaga 2008, с. 174].

Выпуск ежедневной газеты — дело хлопотное, оно плохо совмещается с посещением театра. Фукудзава был любопытным человеком, его интересовало много, но он не мог позволить себе отвлекаться от главных дел. Отказавшись от самурайских представлений о деньгах как о субстанции «грязной», он внимательно следил, как развивается японская экономика. В коридоре его дома висела сводка биржевых новостей. Взглянув на нее, он громко возвещал: «Сегодня я в плюсе!» или «Проигрался!» В действительности же у Фукудзава не было ни времени, ни сил заниматься биржевыми операциями, все свои «делки» он проделывал исключительно «в уме» [Matsunaga 2008, с. 237].

Временами Фукудзава сочинял короткие стихи «по случаю» на китайском языке (прежняя выучка все-таки давала о себе знать), но они были откровенно плохи и лишены малейшего намека на поэтический талант. Унаследовав пренебрежительное отношение токугавских конфуцианцев к художественной прозе, занятия которой они почитали делом недостойным для серьезных людей, Фукудзава отзывался об одном из главных зачинателей современной японской прозы Цубоути Сёю (1859—1935) с неприкрытым презрением: «Такое вульгарное занятие, как писание романов, для обладателя диплома бакалавра является занятием совершенно недостойным». При таком подходе к художественной литературе трудно ожидать, чтобы сами сочинители художественных произведений жаловали Фукудзава. Действительно, отношение к нему в литературных кругах было весьма прохладным [Saeki 1991, с. 103].

Дочери и внуки Фукудзава занимались японскими танцами и музыкой, что грело его душу. Но все равно это было занятие «несерьезное», не для сыновей. К тому же Фукудзава считал, что танцы полезны для здоровья его девочек, а физкультуре и двигательной активности он уделял огромное внимание.

Духовная культура и искусство Запада тоже оставляли Фукудзава равнодушным. Его не интересовали европейская литература, музыка, живопись и т. д. Он перевел немало европейских книг по самым разным отраслям знания, но до художественной литературы ему не было дела, хотя многие интеллектуалы того времени искали ключ к пониманию «души» Запада именно в литературе. В отличие от многих других японских западников, которые приняли крещение или хотя бы подумывали об этом, христианством Фукудзава тоже не увлеклся.

Отношение к конфликтам

Избегание открытых конфликтов с людьми было поведенческой стратегией Фукудзава. Он охотно и даже яростно обличал «феодализм», говорил об узколобом «чиновничестве», но это было «безымянное» негодование: при рассказе о конкретных людях его пыл пропадает, и в «Автобиографии» мало отрицательных и эмоциональных оценок людей с именами. В случае угрозы конфликта Фукудзава предпочитал ретироваться. Когда в «Обществе 6-го года Мэйдзи» («Мэйрокуся»), которое представляло собой сборище интеллектуалов-западников, возникли противоречия, Фукудзава вышел из него. Когда в 1879 г. в Токийской ассоциации ученых не прошли его инициативы, он попросту покинул свой председательский пост. Когда в 1881 г. влиятельнейшие политики Ито Хиробуми и Иноуэ Каору отказались от замысла издавать газету во главе с Фукудзава и вычистили выпускников Кэйо из государственного аппарата, он не стал вступать в борьбу и тут же приступил к изданию своей собственной газеты с помощью своих выпускников, а студентов стал ориентировать на карьеру в бизнесе. Но слов, осуждающих Ито и Иноуэ, в «Автобиографии» не содержится.

В таком модусе поведения видна прозорливая осторожность. Зная обидчивый и даже мстительный характер японцев (это была общепризнанная точка зрения), он не хотел окончательно ссориться с людьми, которые в силу своего положения могли легко навредить его собственным начинаниям. Фукудзава был знаком практически со всеми представителями политической и финансовой элиты. Но их имена появляются на страницах «Автобиографии» чрезвычайно редко. Зато часты упоминания о людях, которые не оказывали непосредственного влияния на текущую ситуацию. В этом видна не столько внимательность к «маленькому» человеку, сколько нежелание «связываться» с сильными мира сего.

Подводя итоги прожитой жизни, Фукудзава говорил: «С молодости я слыл болтуном, круг моего общения был широк, но с людьми я предпочитал не ссориться. У меня очень много друзей, но в общении с ними я не забываю об осторожности. Я водил дружбу со многими, но трудно ожидать, чтобы человек всегда оставался прежним. Если он и вправду изменился, дружбу надо прекращать. Но и в таком случае, если, конечно, человек не навредил тебе, ты не должен держать на него зла. Надо просто отдалиться, вот и всё. Предположим, одного друга лишили, потом другого, но все равно не следует страдать от одиночества. Еще в молодости я решил, что не буду ломать себя и водить дружбу с неприятными людьми. Так и получилось. За свои шестьдесят с лишним лет я был знаком с ты-

сячами, с десятками тысяч людей, но ни с кем не разругался, полностью не поврал отношений. Вот так любопытно распорядилась жизнь. И по отношению к работе, и в общении с друзьями, и во всем остальном я придерживался одного и того же правила — быть готовым ко всему. Потерпел неудачу — не расстраивайся, не смотри на этот мир тяжелым взглядом... Но цени свою свободу, не оставляйся в делах. Именно так я воспитал себя и сумел пройти свой путь без особых потрясений и со спокойной душой» (с. 380).

По приведенному пассажу видно, что к понятию «дружба» Фукудзава не прикладывал эпитета «вечная». Он охотно давал советы, но сам предпочитал не советовать. Обратной стороной такого характера является душевное одиночество. Диапазон его знакомств был огромен, но даже в детстве и юношестве среди этих знакомых не находилось закадычных друзей. Душа Фукудзава в них и не нуждалась.

Фукудзава предпочитал не ссориться с людьми, но это вовсе не означает, что он был трусом. В 1860-е и в начале 1870-х гг. покушения на «западников» со стороны «патриотов» превратились в обыденность. Фукудзава проявлял известную осторожность, не выходил из дома вечерами, но не изменял своим убеждениям и продолжал твердить, что вестернизация — единственно возможный путь для страны, которая хочет остаться независимой. Однако культ революционной жертвенности был ему, безусловно, чужд. Его статную фигуру невозможно представить на баррикадах, Фукудзава не стал участвовать в свержении «прогнившего» сёгуната, ибо боялся, что революционеры окажутся такими же косными, как и прежние правители, но неизменно продолжал гнуть свою просветительскую линию: только образование способно сделать Японию сильной.

Готовность к переменам и принципиальность

Фукудзава формировал свой собственный поведенческий канон и мало зависел от «трендов» и «моды». Когда чиновников обязали являться на службу в европейской одежде, все «передовые» японцы последовали их примеру. Но Фукудзава был независимым человеком — облачившись на какое-то время в европейское платье, затем он решил, что японское полезнее для его здоровья, и стал носить именно его. В токугавской Японии борода и усы приняты не были. Однако после революции почти все «прогрессисты» отрасли на западный манер усы или бороду. Но Фукудзава остался в стороне от этого веяния, удовлетворившись европейской стрижкой. Не нравился ему и европейский обычай вскрывать завещание после смерти. «Я совершенно не согласен с таким обыкновением. Это очень странно — после смерти хозяина делать явным то, о чем он мог бы уведомить при жизни. Я нахожу завещание на западный лад обычаем нелепым и вредным и сказал всем, что не собираюсь ему следовать. Я написал завещание, положил его в комод и велел жене и детям, чтобы они внимательно прочли его» (с. 351). Но Фукудзава не пошел и по японскому пути, когда старшему сыну достается основная часть состояния: он разделил его на десять равных долей, из которых старшему сыну досталось две, а остальным восьмерым детям — по одной.

Во многих отношениях Фукудзава был человеком «естественным», то есть вел себя в соответствии со своими личными вкусами и пристрастиями. Во время утреннего моциона, который стал в последние годы неотъемлемой частью его жизни, Фукудзава заговаривал с незнакомыми людьми, одаривал детей сладостями, а своего приятеля-нищего — деньгами [Matsunaga 2008, с. 36]. Такие «свободные» манеры тоже мало вязались с привычными нормами и вызывали удивление — традиционный модус поведения не предполагал общения с «чужими», особенно если они принадлежали к другой социальной страте.

Восходящая к конфуцианству традиция предписывала образованному человеку хранить бесстрастное выражение лица. Эта установка сохранялась и в период Мэйдзи (во многом она жива и сейчас). Однако современники с удивлением отмечали необычайную живость и переменчивость лица Фукудзавы [Matsunaga 2008, с. 44—45]. Богатая мимика отражала важное свойство его характера — непосредственность и готовность к переменам. Европеизация стиля мышления и бытового поведения Фукудзавы служит тому наилучшим подтверждением. Его поведение никак не вписывалось в привычные представления о пожизненной верности раз и навсегда выбранному пути. В рамках этих представлений переход от одной дисциплины к другой, от одного наставника к другому приравнивался к измене. Но натура Фукудзавы была шире, у него не было одного Учителя, он учился у всех, у кого можно было научиться чему-нибудь полезному. Самым важным в жизни он считал приобретение новых знаний, а перед этой целью пасует верность догме, в которой отсутствует потенциал для новых открытий. В детстве и юношестве он, как то и было тогда положено, зубрил (и при этом весьма успешно) китайскую классику, но потом без колебаний забросил «мертвящую китайщину» и приступил к изучению голландского языка, который давал доступ к достижениям западной цивилизации. После того, как были открыты первые японские порты, он побывал в Иокогаме и тут же убедился, что никто из пребывавших там иностранцев не понимает голландского, а языком общения является английский. И тогда он мгновенно переключился на занятия этим языком. Когда члены правительства предложили издавать ему газету, но потом дело не сложилось, он без промедления приступил к изданию своей собственной газеты.

Фукудзава считал проституцию явлением аморальным. Тем не менее, когда бедные японцы в поисках заработка стали уезжать за границу (прежде всего, в США), он легко скорректировал свои убеждения. Некоторые деятели полагали, что следует запретить выезд проституток, поскольку это нанесет ущерб имиджу Японии. Однако Фукудзава не согласился с этим мнением: эмигранты — это в подавляющем большинстве молодые холостые мужчины, для которых следует создать максимально комфортные условия в незнакомой обстановке. Только в таком случае они принесут наибольшую пользу своей родине, ибо смогут успешнее трудиться и создавать условия для укрепления позиций Японии за границей [Mihalopoulos 2012, p. 5—29].

Готовность к переменам вовсе не означает, что Фукудзава можно назвать «флюгером». Определенная осторожность и нежелание обострять отношения с людьми не означали отказа от своей позиции. У него имелись твердые убеждения относительно своего человеческого долга, которых он неукоснительно придержи-

живался. Его мнение о необходимости ограничения полномочий императорского дома никогда не менялось. «Независимость и самоуважение» всегда оставались его лозунгом. При любых обстоятельствах он ратовал за независимость образования и науки от государственного вмешательства. Так, в 1891 г. Фукудзава отказался присутствовать на презентации толкового словаря, когда узнал, что вечер будет открывать тогдашний премьер Ито Хиробуми, объяснив это таким образом: «Общество ученых не может иметь ничего общего с собранием политиков. Обсуждать научные проблемы в присутствии политиков, не имеющих к науке никакого отношения, не только ошибочно, но и недостойно ученого» [Бугаева 1978, с. 54]. Фукудзава вызвал на себя бурную критику за те пассажи в «Призыве к учению» (1875 г.), которые касались бессмысленности смерти за сюзерена только ради того, чтобы показать свою преданность. Но и в последующих изданиях «Призыва» он не стал менять свой текст или как-то смягчать его.

Фукудзава видел в своих студентах будущее Японии. Для него не существовало такого понятия, как «учебное время», поскольку все время было учебным — он не упускал случая, чтобы присоветовать молодым людям что-нибудь полезное. Он жил на территории кампуса и всегда находился «на работе», так что от него не ускользала никакая мелочь в студенческой жизни. Учащаяся молодежь в то время бредила Западом, студенты Кэйю Гидзюку тоже пытались подражать западным обычаям. В частности, в моду вошел хлеб. Его покупали, чтобы доказать самим себе причастность к западным ценностям. Но непривычным к хлебу студентам он казался безвкусным, они посыпали его сахарным песком, намазывали на куски хлеба джем. При этом ели только мякиш, а корку выбрасывали, считая, что она несъедобна — вроде корки у арбуза. Однажды Фукудзава заметил, как студенты выбрасывают хлебные корки в мусорный ящик. Он пристыдил их: как же так, вы ведь занимаетесь изучением Запада, но не знаете такой элементарной вещи, как едят хлеб! [Matsunaga 2008, с.170—171].

Бывший студент вспоминал такой случай. После собрания, на котором жарко обсуждались политические вопросы, Фукудзава с молодыми людьми собрался возвращаться в Кэйю Гидзюку. Они уже проголодались и хотели поскорее добраться до места и поесть там. Поэтому сговорились нанять рикш. Однако Фукудзава урезонил их, сказав, что дела окончены, торопиться некуда, а поездка на рикшах обойдется в копеечку. И велел возвращаться вместе с ним, стариком, на своих двоих. По пути он решительно зашел в сусечную и накормил всех до отвала. Расплачиваясь, сказал: на эту сумму можно как следует наесться, а можно прокатать ее зря [Matsunaga 2008, с.169—170].

Всесторонняя опека учеников всегда входила в поведенческий канон японского учителя. Это и называется «миссией». В этом отношении Фукудзава мало чем отличался от учителей эпохи Токугава, которые ощущали себя не просто преподавателями какого-нибудь предмета или умения, а и наставниками жизни.

Фукудзава был человеком самодостаточным и удовлетворялся сознанием своих достоинств. К почестям же относился спокойно. В 1893 г. праздновали 35-летие со дня основания Кэйю Гидзюку (на самом деле школа Кэйю была учреждена только в 1868 г., но «для важности» датой основания стали считать 1858 год, когда Фукудзава начал преподавать голландский язык). По этому случаю ему

преподнесли его бронзовый бюст. В благодарственной речи Фукудзава отметил: самому мне скульптура не нужна, но ее судьба — навсегда остаться в стенах Кэйю, поскольку никогда не найдется такого дурака, который купил бы ее или даже захотел получить даром [Keio gijuku 1907, с. 180—181]. Фукудзава был остроумным и самоироничным человеком. Бюст какое-то время находился в его кабинете, но потом хозяин убрал его.

Фукудзава был лидером и не терпел, чтобы над ним стоял «руководитель». Даже в молодые годы он неоднократно отказывался подчиняться непосредственному начальству, о чем со смесью гордости и раскаяния рассказал в «Автобиографии». Так, во время поездки в Америку в 1867 г., когда он находился на службе в министерстве иностранных дел, он перечил старшим по положению и почти открыто поносил сёгунат. За это его отстранили от службы, но он был только рад этому и отдался сочинительству. И здесь уже он был хозяином сам себе. Но это было еще при сёгунате, в те времена, когда он не мог не служить, ибо был самураем, то есть человеком военным и подневольным. Что касается послереволюционного времени, то оно принесло совсем другие степени свободы.

После революции Мэйдзи Фукудзава не раз предлагали стать чиновником или принять участие в каком-нибудь придуманном государством проекте, но он либо отказывался, либо быстро выходил из него. Это были проекты, придуманные другими людьми, которые и определяли правила игры. После того, как сошелся план по созданию проправительственной газеты, его больше никуда и не звали, ибо стало понятно, что Фукудзава не годится для подневольной работы. Он ощущал себя комфортно только в своих собственных начинаниях.

Фукудзава начал свою «вольную» жизнь с создания школы Кэйю Гидзюку. Это весьма показательно для его натуры: ратуя за всеобщее равенство, он первым делом приступил к образовательному проекту, который по своей исконной сути предполагает неотменяемое и непреодолимое неравенство между учителем и учеником. Во время утренних прогулок его сопровождали ученики. Следуя по раз и навсегда заведенному маршруту протяженностью около 6 километров, Фукудзава, бывало, стучал в двери знакомых преподавателей и студентов, требуя, чтобы они немедленно поднимались с постели и присоединялись к гуляющим (или, вернее, к гуляющему). Что бы он ни говорил о «равенстве», в повседневной жизни он ощущал себя начальником, полномочия которого распространяются не только на учебное или рабочее время. Фукудзава совершал прогулки с двухметровым бамбуковым посохом и походил в это время на деревенского старосту прежних времен, который совершает обход подведомственной ему территории [Tsuchiya 1903, с. 92].

Заключение

Однако масштаб школы или околотка был для Фукудзава мал. Он хотел быть учителем не только для сотен студентов, но и для всех японцев. Поэтому и основал газету «Дзидзи симпо». Поэтому и финальным аккордом его жизни стал «Моральный кодекс», где представлено его видение идеального японца [Меще-

ряков 2025]. Во многих отношениях этот японец напоминает самого автора. Прежде всего, своей самостоятельностью, независимостью, стремлением к новому, преклонением перед «прогрессом». Однако после смерти Фукудзава развитие Японии пошло совсем по другому пути, и в период тоталитаризма такой тип личности оказался не востребован: государство требовало от японца не самостоятельности, а полного растворения в государственных интересах. Семена свободы личности и ее независимости долго пролежали в земле без настоящего дела, их время настало только после окончания Второй мировой войны. Но они все-таки проросли, и нынешняя Япония со всеми ее неизбежными проблемами является страной, которую уважают во всем мире за ее мирные достижения, которые невозможны в рабской стране. При жизни Фукудзава он был уважаемым человеком, но отношение к нему бывало разным. После войны был создан настоящий культ Фукудзава [Мещеряков 2024]. Не все черты его личности оказались созвучны послевоенным японцам. Так, его несколько пренебрежительное отношение к национальной культуре не вызвало сочувствия. Однако главная идея Фукудзава о независимой, самостоятельной, предприимчивой и высокообразованной личности, которая и обеспечивает «прогресс» в масштабах всей страны, все-таки внесла существенный вклад в послевоенное развитие Японии. Без такой личности экономические и научно-технические достижения современной Японии были бы попросту невозможны.

Библиографический список

- Акутагава Рюноскэ в переводах Наталии Фельдман. СПб.: Гиперион, 2023.
- Бугаева Д. П. Японские публицисты конца XIX века. М.: Наука, 1978.
- Мещеряков А. Н. Terra Nipponica: среда обитания и среда воображения. М.: Лингвистика, 2022.
- Мещеряков А. Н. Японский мыслитель Фукудзава Юкити: трансформация образа // *Вопросы философии*. 2024. № 2. С. 160—172.
- Мещеряков А. Н. Фукудзава Юкити и его «Моральный кодекс». История и культура Японии XIX—XX века. Новые исследования российских ученых. М.: издательский дом ВШЭ, 2025.

References

- Akutagawa. (2023). *Akutagawa Ryunosuke v perevodakh Natalii Fel'dman* [Akutagawa Ryunosuke in Natalia Feldman's Translations]. Saint Petersburg: Hyperion. (In Russian).
- Bugaeva, D. P. (1978). *Yaponskie publitsisty kontsa XIX veka* [Japanese Publicists of the Late 19th Century]. Moscow: Nauka. (In Russian).
- Meshcheryakov, A. N. (2022). *Terra Nipponica: sreda obitaniya i sreda voobrazheniya* [Terra Nipponica: Natural Environment and Its Perception]. Moscow: Lingvistika. (In Russian).

Meshcheryakov, A. N. (2024). Yaponskii myslitel' Fukudzava Yukiti: transformatsiya obraza [Japanese Thinker Fukuzawa Yukichi: Image Transformation.]. *Voprosy filosofii*, 2, 160—172. (In Russian).

Meshcheriakov, A. N. (2025). *Fukudzava Yukiti i ego «Moral'nyi kodeks»* [Fukuzawa Yukichi and His Moral Code]. Moscow: HSE Publishing House. (In Russian).

* * *

Aida, Kurakichi. (2005). *Fukuzawa Yukichi*. Tokyo: Yoshikawa Kobunkan. (In Japanese).

Fukuzawa, Yukichi. (2021). *Fukuo Jiden* [The Autobiography of Fukuzawa Yukichi]. Tokyo: Iwanami. (In Japanese).

Keiyo Gijuku Gojunenshi. (1907). [50 Years of Keio Gijuku's History]. Tokyo: Keio Gijuku. (In Japanese).

Matsunaga, Yasuzaemon. (2008). *Ningen Fukuzawa Yukichi* [Fukuzawa Yukichi as a Person]. Tokyo: Jitsugyo no Nihonsha. (In Japanese).

Mihalopoulos, Bill. (2012). An Exercise in Good Government: Fukuzawa Yukichi on Emigration and Nation-Building. *Journal of Northeast Asian History*, Summer, 5—29.

Saeki, Shoichi. (1991). *Nihonjin no jiden* [Autobiography of the Japanese]. Tokyo: Kodansha. (In Japanese).

Tsuchiya, Masaharu. (1996). *Isha no mita Fukuzawa Yukichi* [Fukuzawa Yukichi as Seen by a Doctor]. Tokyo: Chuo Koronsha. (In Japanese).

Tsuchiya, Motosaku. (1903). *Yo ga mitaru Fukuzawa sensei* [Fukuzawa-Sensei as I Saw Him]. Osaka: Sanwa Shizo. (In Japanese).

Поступила в редакцию: 27.01.2025
Принята к публикации: 23.04.2025

Received: 27 January 2025
Accepted: 23 April 2025